

С. С. С. Р.

Александр ВАБИЩЕВИЧ,
кандидат исторических наук

«ДОЛЛАРЫ ПРИШЛЁМ ЧЕРЕЗ СОНЮ...»

Советский фактор
в жизни западных белорусов до 1939 года

Общезвестно, что в сентябре 1939-го Красная армия пришла на подготовленную почву. При этом в отечественной историографии на протяжении многих десятилетий советское влияние на западнобелорусские земли, которые отошли к Польше по Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 года, представлялось однозначно восторженно, без всестороннего анализа его механизмов и последствий. Поэтому весьма актуальным остаётся объективный анализ этих воздействий на общественно-культурную жизнь западных белорусов в межвоенный период.

Сразу же после заключения Рижского договора руководство Советской Белоруссии стало проявлять пристальный интерес к соблюдению польской стороной национально-культурных прав и свобод. 28 июля 1921 года правительство БССР обратилось с телеграммой на имя наркома иностранных дел РСФСР Георгия Чичерина о необходимости обратить внимание польского правительства на недопустимость «издевательств над населением Западной Белоруссии»¹. Не дождавшись утвердительного ответа, наркомат иностранных дел БССР направил в августе 1921-го польскому правительству ноту протеста против дискриминации белорусского населения, где в довольно корректной форме было заявлено о недопустимости нарушения рижских обязательств, и выражалась уверенность в создании в Польше благоприятных условий для национально-культурного развития белорусов².

Хотя данный демарш Минска в Москве расценили слишком мягким, однако в ближайшей перспективе советская сторона всячески стремилась не обострять отношения с Польшей на дипломатическом уровне. Например, во время визита в Варшаву осенью 1922 года Чичерин никаких претензий не предъявлял. Попытка советской стороны приостановить в мае 1924-го выполнение своих материальных обязательств по Рижскому миру в ответ на

Мать с ребёнком в поле.
Фото Ю. Шиманчика. 1937 г.

нарушение Польшей прав нацменьшинств не увенчалась успехом. В целом, в первой половине 1920-х советская дипломатия не допускала резких шагов по отношению к варшавским властям, ограничиваясь лишь нотами протеста против поддержки антисоветских формирований.

Параллельно советское руководство тайно оказывало поддержку просоветской партизанской борьбе в Западной Белоруссии. При этом некоторая часть финансовых средств использовалась для организации белорусских общественных организаций и школ. В одном из писем, перехваченных в начале 1924-го польскими органами безопасности, председатель Совнаркома БССР Александр Червяков писал в Вильно одному из лидеров западных белорусов Антону Луцкевичу: «...Всё, что просили, посылаем через Бондарчука. Доллары пришлём через Соню. В прессе давайте информацию, что деньги получили из Америки»³.

Просоветской ориентации способствовала и активная пропаганда. По мнению польских полицейских Воложинского повета Виленского воеводства (1923), всё местное белорусское население имело «русскую тенденцию». «Яняет его туда сила золота и обещания «советского рая». В большой мере влияет на это агитация, которая активно развёрнута присланными из Советской России. ... Обычно они имеют связь с местными единицами, которые оказывают большое влияние на население. ... Газеты и брошюры распространяют целыми пачками»⁴. Несмотря на явное преувеличение масштабов помощи со стороны СССР, усиление просоветских настроений было бесспорным фактом. Оно происходило в условиях обострения национальных и социальных проблем западных белорусов, особенно в приграничных регионах. Определённые симпатии несли и возвращающиеся с востока репатрианты — до середины 1924 года их вернулось в родные места до 500 тысяч человек.

На просоветские симпатии оказывало благотворное влияние существование на востоке Белорусской советской республики, её очевидные успехи в национально-культурном строительстве. Весьма привлекательным тогда был образ БССР как «общеполитического дома». Даже настроенный не в пользу коммунистов лидер белорусских христианских демократов ксёндз Адам Станкевич признавал значительные успехи в Советской Белоруссии в области культуры и образования: «Факт остаётся фактом, что жизнь белорусского народа там сдвинулась с места, что белорусских школ насчитываются тысячи»⁵.

Другие внешние факторы, кроме советского, к середине 1920-х не имели существенного влияния. Западноевропейская демократия своим безразличием к белорусскому вопросу только усилила разочарование в ней. Образованная в 1923 году

Компартия Западной Белорусии (КПЗБ), идеалом которой было самоопределение Западной Белорусии и её воссоединение с БССР, выступала за реализацию в жизнь общедемократических требований. Именно КПЗБ и особенно созданная в 1925-м Белорусская рабоче-крестьянская Громада предлагала альтернативный план решения белорусского вопроса.

Как считал близкий соратник Юзефа Пилсудского Леон Василевский, противостоять «восточному влиянию» Польское государство могло путём создания более благоприятных условий для белорусов по сравнению с их соотечественниками, проживающими в стране Советов, особенно в социально-экономической сфере, образовании⁸. Но эти теоретические выкладки ничего общего с реальностью не имели. С установлением Пилсудским режима «санации» после майского переворота 1926 года польские идеологи надеялись на разочарование белорусов в советской национальной политике и на их последующий компромисс с Польшей, который представлялся в качестве «меньшего зла». Но и эта новая тактика польских властей осталась на бумаге.

На практике ситуацию контролировал Коминтерн. При его содействии с июля 1924 до февраля 1925 года в Минске при ЦК КП(б)Б действовало Бюро помощи КПЗБ («заграничное бюро», «закордонное бюро»). 17 июля 1924-го состоялось его первое заседание, где среди прочего постановили бронировать по линии Наркомпроса до 50 мест в вузах республики для западнобелорусской молодёжи⁹. Такие льготные условия создавались до конца 1920-х, благодаря чему часть западнобелорусской молодёжи (в первую очередь выпускников Виленской и Новогрудской гимназий, которые не имели шансов получить высшее образование в Польше) нелегально перебиралась через границу и поступала на учёбу в БССР.

Наряду с целенаправленной поддержкой КПЗБ, «заграничное бюро» оказывало помощь белорусской гимназии в Вильно, выступало за открытие белорусских начальных школ, однако признало нецелесообразным создание отдельного Общества культурной помощи Западной Белорусии по причине того, что это повредит работе самого «заграничного бюро»⁹. На наш взгляд, отказ от создания такой легальной структуры был следствием двойного руководства западнобелорусским движением со стороны Коминтерна и КП(б)Б¹⁰. Вместо «заграничного бюро» в марте 1925 года было создано представительство ЦК КПЗБ при ЦК КП(б)Б, которое служило минским филиалом представительства Компартии Польши при Исполко-

ме Коминтерна в Москве и просуществовало до лета 1937 года.

С созданием Громады возникли некоторые возможности для финансовой помощи немногочисленным белорусским гимназиям и Товариществу белорусских школ (ТБШ). Однако такая поддержка имела вполне определённую идеологическую направленность. В тезисах ЦК КП(б)Б «Белорусское движение за кордоном» от 16 октября 1925 года были определены меры для усиления советского влияния в среде белорусской эмиграции, среди которой предусматривалось «продолжать работу по разложению и дроблению», по предотвращению создания там объединений национальной ориента-

сандра Ульянова¹⁴, при помощи созданного в Вильно Белорусского кооперативного банка. Организационными вопросами получения помощи занимались Радослав Островский, Семён Рак-Михайловский и другие западнобелорусские деятели¹⁵. ЦК КП(б)Б стремился не допустить создания какого-либо всебелорусского центра в Польше или в другой стране. «Признавая работу т. Ульянова весьма успешной, предоставить ему возможность без особых стеснений и в дальнейшем проводить её»¹⁶. Рекомендовалось изменить формы работы, активизировать массовые акции (забастовки, школьные кампании и т. д.).

В Западной Белоруссии были заинтере-

Западнобелорусская крестьянская семья.
Фото Ю. Шиманчика. 1937 г.

ции, что могло бы «затормозить создание белорусского движения советской ориентации»¹¹. Выделенные для западнобелорусских организаций на 1926/1927 год 132 тысячи рублей были предназначены на содержание легальных структур Громады, её печатных изданий, помощь белорусским культурно-просветительским организациям, белорусским гимназиям, «где нам представляется возможным вести работу». Почти четверть всего годового партийного бюджета была отведена на нужды общественных организаций¹².

30 марта 1927 года политбюро ЦК ВКП(б) разрешило ЦК КП(б)Б дополнительно расходовать до конца бюджетного года на закордонную работу через Секретариат Коминтерна 48 тысяч долларов, из которых значительная часть предназначалась для Западной Белорусии¹³. Финансирование западнобелорусских организаций осуществлялось через советское посольство в Варшаве и при личном содействии сотрудника посольства Алек-

сованы в получении из Минска не только пропагандистских материалов, но и научной, учебно-методической, художественной литературы. В книжной лавке Белорусского издательского товарищества в Вильно наряду с западнобелорусскими учебными изданиями можно было приобрести и книги издательств Советской Белоруссии.

Громада в основе своей не была результатом внешнего вмешательства, будучи реальной самостоятельной политической силой и массовой национально-демократической организацией (по разным оценкам, насчитывала 100–120 тысяч человек). Это и послужило главной причиной её разгрома польскими властями в начале 1927 года. После ликвидации Громады западнобелорусское движение не смогло уже достичь такого размаха. Об эволюции своих взглядов от полонифильских к советофильским говорил на судебном процессе по делу Громады её лидер Бронислав Тарашкевич. «...Не скажу, что БССР — мой идеал, потому что верю в будущий союз народов, в котором белорусы станут свободным народом»¹⁷. Он не скрывал, что

советская ориентация вначале не была основной в деятельности организации.

После разгрома Громады, усиления левой ориентации в КПЗБ и отказа Коминтерна от сотрудничества с некоммунистическими силами с конца 1920-х годов резко сократилась материальная помощь из СССР. Имеющая идеологические разногласия с коммунистами, немногочисленная национально-демократическая интеллигенция западных белорусов теперь не имела шансов её получить.

Кроме матпомощи, оказывалась и моральная поддержка, она также регламентировалась директивами партийных идеологов. Например, в ответ на репрессии польских властей против Громады был разработан целый комплекс мер по развёртыванию волны протеста общественности Советской Белоруссии. Политбюро ЦК ВКП(б) 20 января 1927 года обязало ЦК КП(б)Б развернуть кампанию борьбы с «фашистским террором в Польше». Рекомендовалось проводить кампанию так, чтобы представить принятие резолюций в качестве народного волеизъявления, а не управляемой сверху акции. 27 января в Минске группа деятелей культуры и науки из 28 человек, среди которых были народные поэты Янка Купала и Якуб Колас, приняла обращение к деятелям науки Запада, в котором информировала о репрессиях польского правительства по отношению к белорусской культуре¹⁸.

Специальный комитет научных работников и писателей по защите Громады был создан в Минске 26 февраля 1928 года. На заседании его президиума 1 марта было решено подготовить и издать отдельную брошюру с обращением и протестом комитета к польскому правительству; обратиться к научным работникам Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева и Одессы относительно организации серии выступлений членов комитета в местной прессе и на радио. Принятые решения были в целом одобрены 2 марта на закрытом заседании бюро ЦК КП(б)Б. В тот же день в республиканских газетах «Савецкая Беларусь» и «Звязда» было опубликовано обращение комитета во главе с Янкой Купалой «К деятелям науки и культуры, трудящимся всего мира»¹⁹. Политбюро ЦК ВКП(б) 15 марта дало санкцию на создание названного комитета²⁰.

Учитывая преимущественно положительный характер советского влияния на западнобелорусскую ситуацию до конца 1920-х годов, нельзя чрезмерно преувеличивать его масштабы и значимость, абсолютизировать «руку Москвы». Польским властям было очень выгодно демонстрировать (особенно на европейском уровне) западнобелорусское движение

сквозь призму большевистской угрозы, инспирированным извне, лишённым всякой самостоятельности. Прикрываясь обвинениями в зависимости от Москвы и Коминтерна, польские власти всегда имели козыри в применении репрессивных действий не только против коммунистов, но и других западнобелорусских партий и объединений, кроме немногочисленных полонофильских.

Проводя настойчивую антисоветскую пропаганду, польская администрация недооценивала социально-психологические моменты. Программные положения коммунистов и идейно близкой к ним Громады импонировали западнобелорусскому крестьянству не столько своим идеологическим содержанием и революционным пафосом, сколько радикальной антипольской позицией; с ними связывались определённые надежды на возможное улучшение социального положения и избавление от национального притеснения. О том, что распространению коммунистических идей в западнобелорусском обществе способствовала жёсткая национальная и социальная политика польских властей, писали тогда и некоторые польские учёные²¹.

Немалую роль в создании негативного образа Польши, поляков играли и исторические традиции ментальности взаимного неприятия. В сознании многих западных белорусов социальные стереотипы переплелись с этническими — поляки по-прежнему оставались «ляхами», «панями», а созданное ими в 1918-м государство — «панской Польшей» (часто независимо от штампа советской пропаганды). Большинство белорусов чувствовали себя в составе Польского государства «чуждым элементом». Попытки белорусско-польского сближения в первой половине 1920-х успехом не увенчались. Полонофильские идеи не нашли общественного признания белорусов, а их сторонники не имели какого-либо значимого влияния. В среде западнобелорусской политической элиты (кроме её национально- и христианско-демократического крыла) всё больше склонялись к убеждению, что решение белорусского вопроса невозможно без помощи извне, из Советской Белоруссии. Не случайно, что негативную информацию в польской прессе о положении в СССР многие западные белорусы воспринимали в качестве вражеской, антисоветской.

На уровне межгосударственных советско-польских отношений с середины 1920-х западнобелорусская проблематика не затрагивалась. Это необходимо связывать с нежеланием советского руководства осложнять процесс переговоров о заключении договора о ненападении, проект которого был подготовлен ещё в кон-

це лета 1926 года. Однако такой договор был заключён только 25 июля 1932 года. В качестве меры, способствующей успешному его подписанию, было снятие в июне 1931-го на V пленуме ЦК КПЗБ лозунга обязательного присоединения Западной Белоруссии к БССР.

При этом общественные структуры БССР по-прежнему публично отстаивали интересы западных белорусов на уровне политических акций. Например, творческая и научная интеллигенция республики была включена в пропагандистскую кампанию, направленную против репрессивных действий польских властей и в поддержку левого крыла западнобелорусского движения. 16 сентября 1932 года Янка Купала вместе с другими писателями на вечеру в кинотеатре «Культура» в Минске приветствовал западнобелорусских деятелей, которых накануне по обмену польские власти выпустили из тюрьмы.

По мере развёртывания с конца 1920-х в БССР борьбы с «национал-демократизмом» прежнее благосклонное отношение к западным белорусам, которые оказались в республике, сменилось подозрительностью и недоверием. В 1933 году группа деятелей западнобелорусского движения (среди них были бывшие депутаты польского сейма Иосиф Гаврилик, Игнат Дворчанин, Семён Рак-Михайловский и другие) были привлечены к сфабрикованному ОГПУ делу «Белорусского национального центра», который якобы готовил антисоветское восстание с целью отторжения Советской Белоруссии от СССР: «Это восстание должно было явиться поводом для начала фактической войны между Польшей и СССР и отторжения БССР, Полотчины, Смоленщины и Черниговщины от Советского Союза. Оперативный план восстания был разработан польским Генеральным штабом, в частности Генералом Рыдз-Смиглым»²².

Сотрудники академической комиссии по изучению Западной Белоруссии, действовавшей в Минске с 1926 года, были обвинены в том, что «занимались по существу контрреволюционной деятельностью, популяризацией националистических идей»²³. Все действия по поддержке западных белорусов, предпринятые в республике в 1920-е годы, были оценены в качестве контрреволюционной и подрывной антисоветской работы. «Под видом перебриски культурных сил для усиления белорусизации в БССР Рак-Михайловский, Островский и их группа целыми пачками перебрисывали своих людей. ... Это делалось с целью насыщения советских школ и учреждений нацдемовскими элементами, проникнутыми национализмом и убеждением о перерождении советской власти для создания контрреволюционных нацде-

мовских организаций»²⁴. В активной помощи в переброске послов Громады из Польши в БССР «для активизации и усиления нацифшистской работы» обвиняли и Янку Купалу²⁵. В ходе очередной волны репрессий в 1937–1938 годах пострадали многие другие деятели, в том числе лидер Громады Бронислав Тарашкевич. Всех их бесосновательно обвиняли в сотрудничестве с польской политической полицией (дефензивой), заставляли декларировать «контрреволюционный, нацдемовский» характер своей деятельности. Бывший советский дипломат Александр Ульянов «признался» в том, что по указанию режима «санации» в БССР якобы перебрасывались антисоветские силы; «закордонное бюро» КПЗБ было превращено в «орудие Пилсудского для широких политических провокаций, для подавления и разгрома революционного движения в Западной Белоруссии»; Виленская белорусская гимназия готовила «для переброски в Белоруссию шпионов, диверсантов и террористов»²⁶.

Тревожные сведения о репрессиях в БССР дезориентировали часть западных белорусов. Это происходило при помощи советской печати, радио, агитации активистов КПЗБ. Многие не верили, что бывшие белорусские депутаты польского сейма от Громады были предателями. «На очень многих собраниях многие товарищи высказывались в таком духе: «Кому же теперь можно верить? Ведь эти депутаты сидели в тюрьме, их избивали, а они, оказывается, предатели». Фактов открытой защиты депутатов было сравнительно немного» (из опроса секретаря окружного правления ТБШ в Белостоке Василия Лещинского от 26 сентября 1934 года)²⁷. Кроме дезориентации, усиливалась идейно-политическая конфронтация в западнобелорусском движении. Только под влиянием решений VII конгресса Коминтерна осенью 1935 — осенью 1936 годов наблюдались попытки налаживания сотрудничества западнобелорусских коммунистов и белорусских христианских демократов в совместной акции в поддержку белорусских школ, однако они были пресечены польской полицией.

Изменения происходили и в ментальности восточных белорусов. В сознании жителей БССР формировались отрицательные стереотипы «западников» (не только деятелей национально- и христианско-демократической ориентации, но и бывших членов Громады, коммунистов и их сторонников). Этому способствовало и ухудшение советско-польских отношений во второй половине 1930-х. Советская общественность воспринимала Польшу в качестве государства, от которого исходила потенциальная угроза нападения. Ситу-

ация усложнилась репрессиями в 1937-м против руководителей Компартии Польши и КПЗБ, которые находились в СССР. В августе 1938 года Исполком Коминтерна принял решение о роспуске КПП и её составных частей — КПЗБ и КПЗУ. Это привело к окончательной ликвидации оставшихся к этому времени немногочисленных организационных структур западнобелорусского движения.

Польские власти в конце 1930-х пытались бороться с советской пропагандой техническими средствами. Для борьбы с нелегальным прослушиванием советского радио польскими властями в Западной Беларуси был введён строгий контроль и учёт всех радиоприёмников. Для противодействия «вредительской деятельности» радиостанции в Минске в конце апреля 1938-го начала работу радиостанция в Барановичах. Для проведения эффективной

контрпропаганды польская военная администрация предлагала ускорить радиофикацию западнобелорусских земель.

Однако даже в таких условиях в быденном сознании западных белорусов советский фактор оставался притягательным, значительная часть из них обращала свои взоры на восток. Доминирование советских воздействий при вероятных геополитических изменениях в Восточной Европе реально оценивали даже некоторые идеологические противники коммунистов из числа западнобелорусских лидеров. Адам Станкевич отмечал в своём дневнике по поводу вступления Красной армии 17 сентября 1939 года в Западную Беларусь: «В этом прежде всего хорошо то, что вся Беларусь в одном месте — под Советами. Так Польша завершила своё господство над белорусами. Ничего удивительного — сделала всё, чтобы белорусов от себя оттолкнуть»²⁸...

г. Брест

М. Монозон. Встреча советских танкистов в Западной Белоруссии. 1940 г.

Примечания

1. Национальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Л. 283.
2. Документы внешней политики СССР. Т. 4. М. 1960. С. 290.
3. Lietuvos Centrinis Valstybinis Archyvas. F. 51. Ap. 17. B. 5. L. 93.
4. Занальны дзяржаўны архіў у Маладзечна. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.
5. Беларусь крывіца. 1926. 21 кастрычніка.
6. Wasilewski I. Zadania polskiej polityki narodowościowej // Droga. 1923. № 4. S. 26.
7. НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3. Л. 227.
8. Там же. Ф. 242п. Оп. 2. Д. 58. Л. 1; Д. 33. Л. 2.
9. Там же. Д. 33. Л. 6, 10, 11.
10. Цянкевіч В. М. Палітычны ўзаемадэячынні паміж БССР і Польскай рэспублікай у 1921–

- 1929 гг.: аўтарф. дмс. ... канд. гіст. навук. Мінск. 2004. С. 15.
11. Идеологическая деятельность Компартии белорусии, 1918–1945. Ч. 1. НАРБ. Ф. 1990. С. 195, 197.
12. НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 112. Л. 5, 5 об., 9.
13. Касцюк М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мінск. 2000. С. 190.
14. Илькевич Н. Н., Платонов Р. П., Александр Ульянов и версия НКВД об антисоветском подполье в БССР (Фальсификация органами НКВД уголовных дел в 1937–1938 гг.). Минск. 1997. С. 25.
15. Валахановіч А. І., Міхнюк У. М. Словедзь у надзеі застасца жыцьмі: аўтабіяграфія Броніслава Тарашкевіча. Мінск. 1999. С. 74, 44–46.
16. НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 112. Л. 87.
17. Bergman A. Rzecz o Bronisławie

- Taraszkieviczu. Warszawa. 1977. S. 162.
18. Зьвязда. 1927. 27 студзеня.
19. Купала Я. Поўны збор твораў / Т. 9. Кн. 2. Мінск. 2003. С. 378–380, 14–16.
20. Касцюк М. Указ. соч. С. 191.
21. См.: Wystouch S. Rola Komunistycznej Partii Zachodniej Białorusi w ruchu narodowym Białorusinów w Polsce. Wilno. 1933.
22. НАРБ. Ф. 242п. Оп. 2. Д. 456. Л. 40.
23. Там же. Д. 580. Л. 10.
24. Там же. Д. 456. Л. 133.
25. Платонаў Р. П. Лёсы. Мінск. 1998. С. 222.
26. Илькевич Н. Н., Платонов Р. П. Указ. чоч. С. 25, 17, 19.
27. НАРБ. Ф. 242п. Оп. 2. Д. 456. Л. 29.
28. Станкевіч А. Календарныя нападкі // Клубэрк Віленчыны. 2005. № 1. С. 184.